

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(470.33)''19'' ТЗ(2 Рос–4Тве) 534–68

«ПОБЕДА ЗАВИСИТ НЕ ОТ КОЛИЧЕСТВА ШТЫКОВ И СНАРЯДОВ»: НАСТРОЕНИЯ ТВЕРСКОЙ ПРОВИНЦИИ В 1914–1917 ГОДЫ¹

Т. Г. Леонтьева

Тверской государственный университет, кафедра отечественной истории

В историографии Первой мировой войны комплекс проблем, связанных с «человеческим измерением» войны, остается малоизученным. В данной статье представлен анализ событий, настроений и поведения населения на примере Тверской губернии/епархии. В статье, выполненной на архивных материалах, представлен очерк событий 1914 – начала 1917 гг. Рассматриваются перемены привычного ритма жизни тверичан под влиянием Первой мировой войны (мобилизации, притока раненых, военнопленных, беженцев). Особое внимание уделяется вопросу трансформации религиозных настроений и поведения населения губернии. В заключении показано, как изнуренные войной и обманутые властью некогда законопослушные верноподданные Тверской губернии, становятся носителями революционных настроений и начинают реализацию «права на свободу».

Ключевые слова: Тверская губерния, Тверская епархия, Первая мировая война, православная церковь, духовенство, военнопленные, раненые, беженцы, Февральская революция.

Изучение истории Первой мировой, несмотря на солидный «возраст» события, требует концентрации усилий исследователей различных научно-гуманитарных направлений. Даже беглый обзор историографии показывает, что комплекс проблем, связанных с «человеческим измерением» войны, влиянием личности на ход событий на разных этапах военных действий и в тылу всё ещё заслоняется глобальными темами, связанными преимущественно с военными действиями, политическими интригами и революционными движениями. Между тем исход войны, которая вначале многим виделась быстрой и победоносной, во многом зависел от состояния тыловой повседневности населения империи. Оно определялось не столько царскими манифестами или губернаторскими распоряжениями, сколько ресурсом лояльности крестьян и горожан, раненых и беженцев, вынужденных взаимодействовать в экстремальных условиях вопреки своим материальным выгодам, этноконфессиональным и культурным кодам, а затем и политическим пристрастиям.

Особенно отчетливо это просматривается на примере отдельных территорий – изучение «локального опыта» позволяет проследить, как

¹ Грант РГНФ (региональное отделение): проект № 13-11-69003а/Ц «Тверская губерния в период Первой мировой войны».

взаимодействовали фронт и тыл, как под влиянием военного бремени разрушалась патерналистская модель взаимодействия власти и социума, деформировались привычные религиозно-мировоззренческие установки, формировались новые коллективные идентичности, которые в итоге обернулись крахом империи..

Данная статья посвящена событиям 1914–1917 гг. в Тверской губернии. В центре внимания – трансформации мирной повседневности в условиях военного времени. Значимость подобного исследования на региональном уровне продиктована, кроме прочего, отсутствием комплексных трудов по данной проблематике.

Исследование проводилось на основе анализа обширного корпуса опубликованных материалов: периодической печати, статистических данных, документов личного происхождения и архивных данных, сконцентрированных по преимуществу в региональных хранилищах (Государственном архиве Тверской области и Тверском центре документации новейшей истории). Предпочтение отдавалось нарративным источникам, отражающим впечатления и эмоции различных слоев населения, задетых войной. Особенно важными представляются свободные «интеллектуальные реакции» непосредственных фигурантов провинциальной военной повседневности – госпитальной сестры милосердия Анны Ждановой и семинариста Якова Бойкова, запечатлённые в их дневниковых записках 1914–1915 гг.²

Материалы из привлечённых источников обрабатывались на основе традиционных методов (сравнительно-исторического, микроисторического) в сочетании с новыми подходами: элементами новой политической истории, новой культурной истории, исторической антропологии.

Тверскую губернию в начале XX в. с точки зрения военно-стратегической без преувеличения следует признать уникальной. К началу Первой мировой войны она представляла собой совокупность районов, находившихся в подчинении нескольких военных округов. К Московскому (тыловому) относились Тверской и Корчевской уезды и примыкающие поселения Новоторжского, Старицкого, Ржевского и Зубцовского уездов; Петроградскому – Весьегонский, Бежецкий, Калязинский, Вышневолоцкий, Кашинский; Двинскому – Осташковский и некоторые поселения Старицкого, Зубцовского и Новоторжского уездов; Минскому – значительные части Старицкого, Ржевского, Зубцовского и Новоторжского уездов. Все это означает, что на территории одной губернии «встречались» фронт и тыл: здесь формировались воинские части, сюда эвакуировались госпитали и беженцы, этапировались военнопленные. Данное обстоятельство существенно повлияло не только на ход событий в тверском Верхневолжье, но и настроения и поведение населения в 1914–1917 гг.

² Дневник медицинской сестры Ждановой (1914–1915) // Тверской государственный объединенный музей (ТГОМ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 106; Семинарский дневник Якова Бойкова. Рукопись. С. 1414–1415 // Из личного архива автора.

Dnevnik meditsinskoi sestry Zhdanovoi (1914–1915) // The Tver State United Museum (TGOM). F. 1. Op. 1. D. 106; Seminarskii dnevnik Yakova Boikova. Rukopis'. S. 1414–1415 // Iz lichnogo arkhiva avtora.

Первоначально, как и везде в России, здесь наблюдался необычайно бурный патриотический подъём. Волостные сходы и земские управы, общественные организации и рабочие коллективы, частные лица спешили выразить «обожаемому и возлюбленному монарху» верноподданнические чувства, а сербскому королю – искреннее сочувствие³. Православные храмы, где служили торжественные молебны по случаю отправки первых мобилизованных на фронт, были переполнены молящимися за христоролюбивое воинство. Правящий архиерей Серафим (Чичагов) обращался к духовным чадам с пламенными речами⁴. Представители различных конфессий (еврейская община, старообрядческая братия) спешили заверить прежде всего губернские власти в абсолютной лояльности⁵. Учащаяся молодёжь – гимназисты, семинаристы – рвалась на фронт, даже малолетние преступники губернской (Бавыкинской) колонии «почтительно просили» губернатора фон Бюнтинга направить их на рытье окопов и строительство укреплений⁶. На территории губернии спешно формировались воинские части. Небывалую активность проявляли женщины, готовые стать не только сестрами милосердия, но и «подавать солдатам патроны или даже разносить письма»⁷. «Уклонисты» (в том числе и по религиозным мотивам) на начальном этапе встречались единицами⁸.

Одним из первых на фронт из Твери уходил 8-й гренадерский Московский полк. Следует помнить, что традиционно проводы на фронт сопровождалась ритуалом «гульбы» новобранцев. В 1914 г. привычный сценарий изменился из-за временного запрета алкогольных напитков, что обернулось бунтами в ряде городов центра империи⁹. Однако в Тверской губернии подобные перемены остались практически без последствий: в до-

³ См.: Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 56. Оп. 1. Д. 13691. Л. 17, 95, 101, 146 и др.

Sm.: The State Archive of the Tver region (GATO). F. 56. Op. 1. D. 13691. L. 17, 95, 101, 146 i dr

⁴ Там же. Ф. 160. Оп. 1. Д. 33520. Л. 1–2; Тверские епархиальные ведомости (далее – ТЕВ). 4 августа 1914. № 31. С. 562.

Ibid. F. 160. Op. 1. D. 33520. L. 1–2; Tverskie eparkhial'nye vedomosti (TEV). 4 avgusta 1914. № 31. S. 562.

⁵ Там же. Ф. 56. Оп. 1. Д. 13691. Л. 60, 126.

Ibid. F. 56. Op. 1. D. 13691. L. 60, 126.

⁶ Там же. Ф. 56. Оп. 1. Д. 13802. Л. 387.

Ibid. F. 56. Op. 1. D. 13802. L. 387.

⁷ Там же. Ф. 958. Оп. 1. Д. 391. Л. 222; Дневник медицинской сестры Ждановой (1914–1915) // ТГОМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106.

Ibid. F. 958. Op. 1. D. 391. L. 222; Dnevnik meditsinskoj sestry Zhdanovoi (1914–1915) // TGOM. F. 1. Op. 1. D. 106.

⁸ См. подробнее: ГАТО. Ф. 958. Оп. 1. Д. 391; Ф. 486. Оп. 1. Д. 1547.

ГАТО. F. 958. Op. 1. D. 391; F. 486. Op. 1. D. 1547.

⁹ Булдаков В. П. Российские смуты и кризисы: востребованность социальной и правовой антропологии // Россия и современный мир. 2001. № 2 (31). С. 36.

Buldaikov V. P. Rossiiskie smuty i krizisy: vostrebovannost' sotsial'noi i pravovoi antropologii // Rossiya i sovremenniy mir. 2001. № 2 (31). S. 36.

кументах упоминается факт подстрекательства нижних чинов к погрому 23 июля казенной винной лавки в Весъегонске, но злоумышленника (исправник полагал, что это был местный учитель!) вовремя обезвредили. Тех, кому выпало на долю уже ранее других «послужить царю и Отечеству», провозжали торжественно, но наспех. К вечеру 18 июля на Соборной площади Твери состоялось молебствие по случаю отправления на австрийскую границу драгун и артиллеристов. Губернатор фон Бюнтинг, городской голова М. И. Арефьев, управляющий казённой палатой И. А. Иванов, архиепископ Серафим произнесли напутственные речи отбывающим на фронт¹⁰. К следующим проводам 25 июля подготовились более основательно: объявлениями, напечатанными в типографии, население уведомили о выступлении в поход гренадерского полка и архиерейском служении по такому случаю на Соборной площади Твери. Владельцам торгово-промышленных предприятий рекомендовалось закрыть их на время молебствия¹¹. На проводы собрались свыше тысячи человек из города и предместий. Уходящих на фронт щедро одаривали назидательными книжками, дешевыми иконками, крестиками – руководство епархии следовало предписанию вышестоящих властей не скупиться на военные нужды. Всё это убеждало губернские власти в том, что задачи, поставленные правительством по части мобилизации, решаются успешно¹².

Православные священники, возглавлявшие приходы епархии, отмечали, что «народ духовно воскрес». Следуя императивам Высочайшего манифеста, данного императором 26 июля, они «для усиления молитвенного подвига» неустанно служили молебны о даровании победы русскому воинству¹³ и повсеместно отмечали стечение прихожан в храмы, частоту обращений к исповеди и покаянию, увеличение всех «показателей обрядности»: продажу просфор, заказы молебнов с акафистами. По свидетельству очевидцев, «... частичные проявления безверия, распущенности и хулиганства... гасли в общем массовом благочестии»¹⁴.

Как отмечали настоятели, большую роль сыграло «благодетельное отрезвление народа по Царскому слову»: императорский Указ (№ 12), полученный из Св. Синода, о закрытии базаров, торговли крепкими напитками в воскресные и праздничные дни для тылового населения по значимо-

¹⁰ ТЕВ. 4 августа 1914. № 31. С. 561.

TEV. 4 avgusta 1914. № 31. S. 561.

¹¹ Тверская губерния в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг.: сб. документов / науч. ред. В. П. Булдаков. Тверь, 2009. С. 46.

Tverskaya guberniya v gody Pervoi mirovoi voiny 1914–1918 gg.: sb. dokumentov / nauch. red. V. P. Buldakov. Tver', 2009. S. 46.

¹² Там же. С. 15.

Ibid. S. 15.

¹³ ТЕВ. 28 июля 1914. № 30. С. 522–526.

TEV. 28 iyulya 1914. № 30. S. 522–526.

¹⁴ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 34378. Л. 32.

GATO. F. 160. Op. 1. D. 34378. L. 32.

сти «перекрывал» предыдущий¹⁵. Его исполнение означало готовность отказаться не только от традиционных моделей поведения, но и понести явные убытки.

Иллюзию сознательного отрезвления народа создавало сокращение таких обычных для деревенской повседневности явлений, как ссоры, кражи, даже сельские и волостные сходы стали проходить спокойнее¹⁶. На время «рядовые» православные забыли прежние распри и потянулись к церкви и своим приходским наставникам. Как ни парадоксально, но на начальном этапе войны несколько сократилась даже численность нищих и бродяг. Полицейские сводки в Тверской губернии представляли довольно трогательную картину осознания народом необходимости «войны на благо Родины»¹⁷. Епархиальная пресса рисовала умилительные пасторали: «... пьяницы от души благодарят за радость трезвой жизни; студенты участвуют в патриотических манифестациях и идут на поле брани сражаться за дорогую родину; рабочие с презрением отвернулись от своих развратителей... все стараются принести свою жертву на алтарь Отечества»¹⁸. Внимая церковно-пропагандистскому официозу, доверчивые читатели надеялись, что «война вскоре окончится победой православия»¹⁹.

Однако эйфория начального периода обернулась вскоре тяжкими военными буднями. Центральной фигурой общественной жизни Тверской губернии, как и во всей стране, становятся раненые. Вслед за учреждением 11 августа 1914 г. Верховного совета по призрению семей мобилизованных, раненых и павших воинов и открытием «августейшей сестрой милосердия» – императрицей – эвакуационного пункта в Царском Селе по всей империи один за другим стали открываться лазареты и госпитали.

К делу призрения раненых одной из первых присоединилась и Тверская епархия: на августовском съезде монастырей решили открыть лазареты при Тверском архиерейском загородном доме, выделив на его содержа-

¹⁵ ТЕВ. 14 августа 1914 г. № 31. С. 539.

TEV. 14 avgusta 1914 g. № 31. S. 539.

¹⁶ ГАТО. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 3034. Л. 1–1 об. Впрочем, исследователи отмечают и иные проявления «сухого закона», который «не только не ликвидировал пьянство как социальное явление, а напротив, придавал ему порой особенно уродливые формы» (См.: Бакулин В. И. Стихийно-анархический компонент событий 1917 г. в Вятской губернии // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1993. Вып.2. С. 82–94).

ГАТО. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 3034. Л. 1–1 об; Bakulin V. I. Stikhiino-anarkhicheskii komponent sobytii 1917 g. v Vyatskoi gubernii // 1917 god v sud'bach Rossii i mira. Oktyabr'skaya revolyutsiya: ot novykh istochnikov k novomu osmysleniyu. M., 1993. Vyp.2. S. 82–94.

¹⁷ Там же. Ф. 927. Оп. 1. Д. 1892. Л. 241–242.

Ibid. F. 927. Op. 1. D. 1892. L. 241–242.

¹⁸ ТЕВ 1915. № 7. 16 февраля. С. 117.

TEV 1915. № 7. 16 fevralya. S. 117.

¹⁹ Церковный вестник. 1914. № 40. 2 октября. Стб. 1190; 1914. № 46. 13 ноября. Стб. 1395. № 45. 6 ноября. Стб. 1346.

Tserkovnyi vestnik. 1914. № 40. 2 oktyabrya. Stb. 1190; 1914. № 46. 13 noyabrya. Stb. 1395 № 45. 6 noyabrya. Stb. 1346.

ние 40 000 руб. из монастырских капиталов, в помещениях Тверской духовной семинарии (на 500 кроватей), двух духовных училищ – в г. Торжке и Красном Холме, в кельях нескольких монастырей²⁰. В последующие годы вместимость госпитальных учреждений постоянно расширялась. Согласно мнению исследователей, наиболее активными благотворителями на протяжении всего военного периода на территории епархии оставались женские монастыри²¹. Следом пункты медицинского обслуживания открылись в уездных городах и других поселениях губернии – Кимрах и Старице, Осташкове и Ржеве, Кувшинове и Кесовой Горе²², размещались они в зданиях школ, богоделен, казенных училищ. Владыка Серафим призывал своих собратьев – настоятелей приходских храмов помогать страждущим ратникам не только молиться, но и конкретными делами. В итоге, как сообщалось в епархиальных ведомостях, «на личные пожертвования тверского духовенства были “одеты” теплым бельем и экипировкой Лейб-гренадерский Московский полк, Осташковский полк, Тверской драгунский, Конная батарея и Волжский полк». Приобретенное обмундирование жертвователи передавали в руки казначеев или уполномоченных от полков, которых вызывали из действующей армии, чтобы быть уверенными, что их дары попадают по назначению²³.

Огромную роль в организации ухода за ранеными сыграл Тверской комитет Всероссийского союза городов и Тверской Военно-промышленный комитет, открытые в Твери осенью 1914 г. Воспринимая войну как всенародное бедствие, их представители организовали курсы для подготовки медсестер, убежища для увечных воинов, снаряжали санитарные поезда, призывали население к благотворительным акциям (сбору теплой одежды для нуждающихся, заготовкам продуктов) и тем самым помогали не только размещенным на территории губернии раненым, но и солдатам действующей армии²⁴. Председатель тверского отделения Всероссийского союза городов А. А. Червен-Водали пытался склонить городские

²⁰ Церковный вестник. 1914. № 43. 23 октября. Стб. 1301; ГАТО. Ф. 128. Оп. 1. Д. 17. Л. 22–22 об.

Tserkovnyi vestnik. 1914. № 43. 23 oktyabrya. Stb. 1301; GATO. F. 128. Op. 1. D. 17. L. 22–22 ob.

²¹ Зырянов П. Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX в. // Acta Slavica Iaponica. 1995. Hokkaido. 1995. Tomus XIII. С. 143.

Zyryanov P. N. Russkie monastyri i monashestvo v XIX i nachale KhKh v. // Acta Slavica Iaponica. 1995. Hokkaido. 1995. Tomus XIII. S. 143.

²² Всеподданнейший отчет обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания за 1914 г. Приложения. Пг., 1916. С. 24–33; Тверская губерния в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. С. 81–84, 98–99.

Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora Sv. Sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1914 g. Prilozheniya. Pg., 1916. S. 24–33; Tverskaya guberniya v gody Pervoi mirovoi voiny 1914–1918 gg. S. 81–84, 98–99.

²³ ТЕВ. 1915. № 2. 12 января. С. 4–42.

TEV. 1915. № 2. 12 yanvarya. S. 4–42.

²⁴ Тверская губерния в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. С. 25, 26.

Tverskaya guberniya v gody Pervoi mirovoi voiny 1914–1918 gg. S. 25, 26.

власти ассигновать дополнительные средства на расширение санатория в предместье Твери – Черногубове – для лечения заболевших туберкулезом на полях сражений²⁵.

Следует, однако, отметить, что вскоре горожане стали поговаривать о корысти иных «энтузиастов»: семинарист Яков Бойков и гимназистка Анна Жданова, вхожие в госпитальную среду, упоминают в своих дневниках о «петушином тщеславии» санитаров, расхищении ими продуктов и спирта, ночных бесчинствах на глазах раненых. Так или иначе, но наплыв увечных ратников в губернию подсказывал тверичанам, что война не будет такой лёгкой, как казалось вначале.

Отчаянием и растерянностью сменился и религиозный аффект. Ежедневные заботы вытеснили страх Божий, и по мере привыкания тылового населения к ситуации воспроизводились наработанные временем стереотипы поведения – в городах и сельской местности нарастал разгул страстей отнюдь не христианского свойства. В ужасах войны (мобилизация и реквизиции, наплыв раненых и увечных, беженцев и военнопленных, первые потери и призрак голода) народу виделось наказание Божье, а в редких удачах на фронте вырисовывалась надежда на прощение. Мистика военного времени усилила распространение всякого рода суеверий: женщины обращались к прорицателям и гадалкам, верили в скорый конец света. В Тверской губернии «старые бабы пророчествовали пришествие антихриста и анчутки беспятого, свержение царств и бедствия народные»²⁶.

Уже в начале 1915 г. настоятели тверских приходов отмечают резкий спад динамики сближения с паствой: уровень даже внешнего благочестия неуклонно сползает к довоенному, возобновляются торжища по воскресеньям, что сказывается на посещении храмовых служб и исполнении треб, нарастает непочтительность к «церковной братии»²⁷. Кстати, подобные настроения констатировали и священнослужители-депутаты Государственной думы: в записке обер-прокурору Св. Синода В. К. Саблеру они обращали его внимание на «оскудение в церкви религиозного духа и охлаждение к ней всех слоев общества»²⁸. По данным Л. И. Емелях, к 1916 г. подобные настроения отмечались в сообщениях епископов Вятской, Московской, Нижегородской, Вологодской, Рижской и Харьковской епархий²⁹. Французский посол М. Палеолог и вовсе предрекал, что в случае опасности

²⁵ См.: ГАТО. Ф. 801. Оп. 1. Д.3250.

Sm.: GATO. F. 801. Op. 1. D.3250.

²⁶ Тверской край в XX веке: документы и материалы. 1907–февраль 1917 / науч. ред. М. М. Червякова. Тверь, 1995. Вып. 2. С. 117.

Tverskoi kraï v XX veke: dokumenty i materialy. 1907–fevral' 1917 / nauch. red. M. M. Chervyakova. Tver', 1995. Vyp. 2. S. 117.

²⁷ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 11169. Л. 150–163.

GATO. F. 160. Op. 1. D. 11169. L. 150–163.

²⁸ Христианская мысль. 1916. № 6. С. 141–142.

Khristianskaya mysl'. 1916. № 6. S. 141–142.

²⁹ Емелях Л. И. Крестьяне и церковь накануне Октября. Л., 1976. С. 46–48.

Emelyakh L. I. Krest'yane i tserkov' nakanune Oktyabrya. L., 1976. S. 46–48.

русскому царизму не удастся опереться на церковь – «... вместо Церкви окажется пустое место»³⁰.

Охлаждение к церкви и вере обернулось утратой эмоциональных сдержек и для повседневной жизни населения губернии становится характерным нарастание нервозности и недовольства. Усугубляли ситуацию всевозможные слухи, которые стали едва ли не определяющим компонентом военной повседневности, чему немало поспособствовал военный агитпроп. Исследователи отмечают, что «в эпоху мировой войны режим сам провоцировал появление слухов», но если вначале они ограничивались «проповедью германофобии и шпиономании»³¹, то вскоре заговорили о неудачах на фронте, голоде, изменах. Тверское губернское жандармское управление, которому вменялось в обязанность контролировать настроения, вело «неослабное наблюдение» за резервистами и рабочими, староверами и сектантами³². По данным донесений и отчетов «компетентных лиц» складывается следующая картина.

Прежде всего обнаруживаются издержки скорой сплошной мобилизации. Уже через год в губернии стали заметны и нехватка рабочей силы, и перенапряжение оставшихся на производстве. Вопреки запрету губернатора фон Бюнтинга на собрания и забастовки, администрациям крупных промышленных предприятий не удавалось сдерживать протестные настроения, и рабочие стали выходить на улицы. Забастовочным движением оказались охвачены Тверская мануфактура, Русско-балтийский вагоностроительный завод, фабрика Рябушинского, стекольный завод, фабрика «Тоболка» и др. Только с апреля 1915-го по сентябрь 1916 г. состоялось более тридцати забастовок (3 – весной 1915-го, 6 – летом 1915-го, 7 – осенью 1915-го, 4 – зимой 1916-го, 9 – весной 1916-го, 4 – летом-осенью 1916-го)³³. Основной причиной недовольства рабочих в Тверской губернии, как, впрочем, и в других регионах России³⁴, на этом этапе было экономическое положение: заработ-

³⁰ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 27.

Paleolog M. Tsarskaya Rossiya nakanune revolyutsii. M., 1991. S. 27.

³¹ Колоницкий Б. И. «Политическая порнография» и десакрализация власти в годы Первой мировой войны (слухи и массовая культура) // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 67–81.

Kolonitskii B. I. «Politicheskaya pornografiya» i desakralizatsiya vlasti v gody Pervoi mirovoi voiny (slukhi i massovaya kul'tura) // 1917 god v sud'bakh Rossii i mira. Fevral'skaya revolyutsiya: ot novykh istochnikov k novomu osmysleniyu. M., 1997. S. 67–81.

³² Указания последовали из Министерства внутренних дел еще до начала военных действий. См.: Тверская губерния в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. С. 167–168.

Sm.: Tverskaya guberniya v gody Pervoi mirovoi voiny 1914–1918 gg. S. 167–168.

³³ Подсчитано А. В. Сипейкиным по: ГАТО. Ф. 56. Оп. 9. Д. 342; Ф. 927. Оп. 1. Д. 1920; Ф. 927. Оп. 1. Д. 1920.

Calculated by A. V. Sipeykin: GATO. F. 56. Op. 9. D. 342; F. 927. Op. 1. D. 1920; F. 927. Op. 1. D. 1920.

³⁴ Отмечено ранее: Кирьянов Ю. И. Стачечное движение в России в 1914 – феврале 1917 г. (По материалам официальных источников и «хроник» выступлений рабочих) // История СССР. 1990. № 5. С. 121–134.

ной платы не хватало на подорожавшие продукты, поставляли их несвоевременно, а качество и вовсе вызывало всеобщее возмущение. Раздражали бастующих и ставшие повседневной практикой сверхурочные работы.

Согласно донесениям жандармских чиновников, политические мотивы прослеживались весьма слабо, случаи вызывающе агрессивного поведения были редки. Исход забастовок известен и типичен для провинциальных губерний того времени: «бунтарям» приходилось возвращаться к станкам на условиях мелких уступок, угроза увольнения или отправки на фронт оставалась актуальной и до поры до времени действовала отрезвляюще. Вплоть до революции 1917 г. тверских охранителей порядка больше беспокоили солдатские массы.

В отличие от рабочих, создававших очаги напряженности по преимуществу в городах, солдаты тыловых гарнизонов, численность которых достигла в 1915 г. уже 120 тыс., являлись источником беспокойства для всей губернии. Их настроения и поведение грозили обернуться более тяжёлыми последствиями. Недовольные затянувшейся войной, они повсеместно оказывались в центре скандалов из-за мелкого воровства, пьянства, хулиганства³⁵. Потерявшие страх Божий ратники, временно пребывавшие на тыловых территориях, бесстыдно воровали, позволяли «себе безобразные выходки, брань, угрозы и даже насилие». Известен случай, когда нижние чины запасного батальона в городке Зубцове Тверской губернии «превратили кладбище в место общественных гуляний» и разгромили его так, что «стали видны кости покойников»³⁶. Столь разнузданные проявления святотатства прежде закончились бы серьёзным взысканием в соответствии с церковным правом. Но в условиях военного времени духовенство не обладало необходимым ресурсом для противостояния этой тенденции. Практикующие священники признавали, что уровень отчужденности паствы выражается теперь не только в отношении друг к другу, но также к ритуалу и храму. Даже в праздники не наблюдалось былого благочестия, демонстративно игнорировались посты, «забывалась» некогда добровольно введенная обязанность охранять храмы по ночам³⁷. Тверской епископ Серафим (Чичагов), в прошлом человек военный и потому способный мыслить стратегически, ранее других предвидел негативные последствия неизбежного наплыва в епархии фронтовиков, озлобленных войной и казармой. Стараясь переломить ситуацию, еще в начале военной кампании он призывал приходское духовенство вверенной ему епархии вести работу в семьях мо-

Kir'yanov Yu. I. Stachechnoe dvizhenie v Rossii v 1914 – fevrale 1917 g. (Po materialam ofitsial'nykh istochnikov i «khronik» vystuplenii rabochikh) // Istoriya SSSR. 1990. № 5. S. 121–134.

³⁵ Тверская губерния в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. С. 34–35.

Tverskaya guberniya v gody Pervoi mirovoi voiny 1914–1918 gg. S. 34–35.

³⁶ Там же. С. 374–375, 380–389.

Ibid. S. 374–375, 380–389.

³⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 2793. Л. 9 об.

Russian State Historical Archive (RGIA). F. 796. Op. 442. D. 2793. L. 9 об.

билизованных, чтобы в будущем «сдерживать размахавшихся в штыковых боях» солдат³⁸.

Осознавали значимость разрушительного ресурса, свойственного солдатской массе», и разного рода агитаторы, которые активизировались к 1916 г. Если присмотреться к стилистике и риторике прессы 1917 г., то можно заметить, что в обращениях к народу на первом месте оказывались именно солдаты³⁹.

Нельзя недооценивать наличие в губернии огромной массы военнопленных и беженцев. По неполным данным, к середине 1915 г. в уездных городах содержалось более 4 тыс. пленных, к 1916 г. их численность удвоилась⁴⁰. Высокая концентрация пленных при отсутствии приспособленных пунктов первичного размещения заставляла распределять их в хозяйства сельских предпринимателей и на городские предприятия, от работ освобождались лишь офицеры и тяжелобольные. Труд пленников использовался по преимуществу на тяжёлых работах в промышленности и гораздо реже в сельском хозяйстве⁴¹. Как следует из документов, тверские власти старались не нарушать положения 3-й Гаагской конвенции 1907 г., регламентирующей содержание пленных, что становилось обременительным по мере нарастания их потока⁴². Нормы их питания значительно превосходили нормы русских солдат, что усугубляло негативное отношение к ним населения и потому не могло не сказаться на ухудшении обстановки в губернии.

Что касается беженцев, то установить их общую численность на сегодняшний день исследователям не удалось – к началу 1916 г. считалось, что в Тверской губернии разместились более 30 тыс. перемещённых лиц⁴³. Есть данные, что городское население губернии благодаря их притоку увеличилось вдвое⁴⁴. Государственные мужи не только не предусмотрели фи-

³⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2793. Л. 5.

РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2793. Л. 5.

³⁹ См., например, выпуски ежедневной вечерней газеты, издаваемой Петросоветом, «Рабочий и солдат»; газеты РСДРП «Солдатская правда» за первую половину 1917 г.

⁴⁰ Занегин Е. А. Становление системы содержания военнопленных в период Первой мировой войны на территории Тверской губернии (1914–1916 годы) // Из архива тверских историков: сб. науч. трудов / науч. ред. Т. И. Любина. Тверь, 2002. Вып. 3. С. 186.

Zanegin E. A. Stanovlenie sistemy soderzhaniya voennoplennykh v period Pervoi mirovoi voyny na territorii Tverskoi gubernii (1914–1916 gody) // Iz arkhiva tverskikh istorikov: sb. nauch. trudov / nauch. red. T. I. Lyubina. Tver', 2002. Vyp. 3. S. 186.

⁴¹ Тверская губерния в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. С. 21.

Tverskaya guberniya v gody Pervoi mirovoi voyny 1914–1918 gg. S. 21.

⁴² Подробнее см.: ГАТО. Ф. 788. Оп. 1. Д. 617; Ф. 1213. Оп. 1. Д. 500.

ГАТО. Ф. 788. Оп. 1. Д. 617; Ф. 1213. Оп. 1. Д. 500.

⁴³ Тверская губерния в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. С. 304.

Tverskaya guberniya v gody Pervoi mirovoi voyny 1914–1918 gg. S. 304.

⁴⁴ Розум М. А. Пролетариат Тверской губернии в Великой Октябрьской социалистической революции // Великая Октябрьская социалистическая революция в Тверской губернии. Калинин, 1959. С. 6.

Rozum M. A. Proletariat Tverskoi gubernii v Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii // Velikaya Oktyabr'skaya sotsialisticheskaya revolyutsiya v Tver'skoi gubernii. Kalinin, 1959. S. 6.

нансирование на нужды переселенцев, но и не предложили механизмов регулирования их потоков. В спешном порядке представителям местной гражданской и церковной власти, общественным организациям приходилось озадачиваться проблемами их размещения, питания, лечения, трудоустройства взрослых и обучения детей. Рассчитывать на сочувственное отношение населения Тверской губернии к проблемам беженцев и военнопленных становилось все труднее – дальше больше в них видели чужаков, виноватых во всех бедах военного времени. Впрочем, подобную ситуацию следует признать типичной для воюющей Российской империи.

В итоге тяготы военного времени существенно влияли на массовое сознание и поведение жителей губернии. Как и по всей России, с началом Февральской революции 1917 г. и отречением императора Николая II от престола в Тверской губернии массы начинают впадать в «социальное буйство»⁴⁵, становятся трудноуправляемыми. Правда, стихийные выступления здесь не приобрели размаха погромного движения, как, например, в соседнем Подмоскovie и Москве⁴⁶. Но органы местного самоуправления заполняли солдаты, матросы, командированные агитаторы, нередко уголовные элементы, словом, те, кто впитал в себя «большевистский яд», и последствия подобной «демократизации» не заставили себя ждать.

Первая трагедия разыгралась в губернском центре. 2 марта 1917 г. толпа, где оказались рядом городские обыватели и солдаты двух воинских подразделений, растерзала губернатора Н. Г. фон Бюнтинга. Всё произошло в двух шагах от площади, откуда некоторое время назад он провожал «христолюбивое воинство» на ратный подвиг. Затем, расстреляв нескольких офицеров, погромщики направились грабить квартиры, магазины и мелкие лавчонки. Тут же последовали погромы винных погребов, винокуренных заводов в Старицком, Вышневолоцком, Ржевском уездах⁴⁷. Причины столь ярко выраженной враждебности были связаны с экстремальными условиями военного времени – ненависть к внешнему врагу неизбежно оборачивалась поисками виноватых на месте.

Весна 1917 г. для тверской провинции примечательна также и событиями в церковной жизни. Занявший накануне войны тверскую кафедру архиепископ Серафим (Чичагов) скорбно отмечал, что такого «одичания нравов не встречал ни в Орле, ни во Владимире, ни на Кавказе, ни у молдован».

⁴⁵ Булдаков В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 351.

Buldaikov V. P. Krasnaya smuta: Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya. M., 1997. S. 351.

⁴⁶ Подробнее см.: Булдаков В. П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010. С. 82–92.

Buldaikov V. P. Khaos i etnos. Etnicheskie konflikty v Rossii, 1917–1918 gg. Usloviya vznikhoveniya, khronika, kommentarii, analiz. M., 2010. S. 82–92.

⁴⁷ Тверской центр документации новейшей истории (далее – ТЦДНИ). Ф. 114. Оп. 1. Д. 124; Ф. 114. Оп. 2. Д. 99.

The Tver Documentation Centre of newest history (dalee – TTSDNI). F. 114. Op. 1. D. 124; F. 114. Op. 2. D. 99.

Он считал, что виноваты прежде всего благостные архиереи и иереи: на епархиальные съезды не ездят, готовы платить за это штрафы, свой долг перед паствой не выполняют, общественно-церковная жизнь угасла⁴⁸. Более того, иные из пастырей в 1905 г. «заразились общим сдвигом мысли и воли».

Мрачные предчувствия владыки подтвердились. В марте-апреле 1917 г. по стране прокатилась волна съездов духовенства и мирян. В соответствии с их решениями началось смещение неугодных архиереев, а избираемые епархиальные советы начали ограничивать епископскую власть. Стихийно утверждавшийся практически на всех ступенях церковного управления коллегиально-представительный принцип управления (в благочиннических и приходских советах, приходских собраниях) позволял православным менять «плохих» попов на «хороших»⁴⁹. Возбужденные войной прихожане (особенно из сельской местности) так быстро освоили новое амплуа, что в Тверской епархии ранее, чем в других, реализовался сценарий «церковного переворота». Вследствие «бунта псаломщиков», поддержанного мирянами, вынужден был временно покинуть свой пост архиепископ Тверской и Кашинский⁵⁰.

Пытаясь оспорить принятое на экстренном епархиальном съезде решение, он характеризовал его как «... действие не честное и по отношению ко мне вызывающее, неприятное, а главное, в высшей степени вредное для епархии. Не могу признать и вообще выборы в совет правильными, сознательными и обдумантыми»⁵¹. Отказ владыки покинуть кафедру вызвал раскол среди тверского духовенства, соответственно раскололось и мнение мирян: лишь немногие из них встали на его сторону⁵².

Более того, в сакральном пространстве епархии также обозначилась тенденция к быстрому и по преимуществу насильственному исправлению «внутриведомственных» дефектов. Ещё на переходе от Февраля к Октябрю в тверской провинции происходят захваты крестьянами приходских земель, набирают силу конфликты со священниками, заметна резкая политизация последних, словом, налицо обнаружилась своеобразная «смута десаκραлизации». С начала марта начались грабежи и поджоги имений: телеграммы с мольбами о помощи не только на имя тверского губернатора, но и министров Временного правительства летели практически из всех уездов.

Словом, события 1914 – начала 1917 г. ещё раз подтвердили старую истину: «... победа зависит не от количества штыков и снарядов», а от настроений (в том числе религиозных) и поведения населения. Исходя из это-

⁴⁸ ТЕВ. 1915. № 2, 12 января. С. 17–19, 21.

TEV. 1915. № 2, 12 yanvarya. S. 17–19, 21.

⁴⁹ *Емелях Л. И.* Крестьяне и церковь накануне Октября. С. 78.

Emelyakh L. I. Krest'yane i tserkov' nakanune Oktyabrya. S. 78.

⁵⁰ ГАТО. Ф. Р-1998. Оп.1. Д. 301. Л. 27–29.

GATO. F. R-1998. Op.1. D. 301. L. 27–29.

⁵¹ Там же.

Ibidem.

⁵² Там же. Д. 493. Л. 22–25; Д. 301. Л. 21 об.–23; Д. 1. Л. 64–64 об.

Ibid. D. 493. L. 22–25; D. 301. L. 21 ob.–23; D. 1. L. 64–64 ob.

го, следует признать, что ещё до октября 1917 г. изнуренные войной и обманутые властью некогда законопослушные верноподданные Тверской губернии становятся носителями революционных настроений, а их «вождями» – агрессивно настроенные, склонные к социальному насилию фронтовики⁵³. Стрессовая нестабильность оборачивается тем, что тыловое население, забыв патриотические порывы, осознает безвариантность развития событий и начинает реализацию «права на свободу». В этой связи до сих пор кажущийся внезапным переход от «массовой» религиозности к атеизму (или, как минимум, возобладание секулярной ментальности) выглядит явлением органичным и ожидаемым. В дальнейшем большевики вряд ли могли нанести сокрушительный удар по некогда «первенствующей и господствующей церкви» без массовой поддержки «простого» народа.

Список литературы:

1. Бакулин В. И. Стихийно-анархический компонент событий 1917 г. в Вятской губернии // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 81–94.
2. Булдаков В. П. Российские смуты и кризисы: востребованность социальной и правовой антропологии / В. П. Булдаков // Россия и современный мир. 2001. № 2 (31). С. 31–47.
3. Булдаков В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН. 1997. 373 с.
4. Булдаков В. П. Истоки и последствия солдатского бунта: к вопросу о психологии «человека с ружьем» // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М.: изд-во ИРИ РАН, 1997. С. 208–224.
5. Булдаков В. П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М.: «Новый хронограф», 2010. 1090 с.
6. Емелях Л. И. Крестьяне и церковь накануне Октября. Л.: Изд-во «Наука», 1976. 180 с.
7. Занегин Е. А. Становление системы содержания военнопленных в период Первой мировой войны на территории Тверской губернии (1914–1916 годы) // Из архива тверских историков: сб. науч. тр. / науч. ред. Т. И. Любина. Тверь: изд-во ТвГУ. 2002. Вып. 3. С. 183–197.

⁵³ Подробнее о последствиях деморализации армии см.: Булдаков В. П. Истоки и последствия солдатского бунта: к вопросу о психологии «человека с ружьем» // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 208–224.

Buldaikov V. P. Istoki i posledstviya soldatskogo bunta: k voprosu o psikhologii «cheloveka s ruzh'em» // 1917 god v sud'bakh Rossii i mira. Fevral'skaya revolyutsiya: ot novykh istochnikov k novomu osmysleniyu. M., 1997. S. 208–224.

8. Зырянов П. Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX в. // Acta Slavica Iaponica. 1995. Hokkaido. 1995. Tomus XIII. С. 110–148.
9. Кирьянов Ю. И. Стачечное движение в России в 1914 – феврале 1917 г. (По материалам официальных источников и «хроник» выступлений рабочих) // История СССР. 1990. № 5. С. 121–134.
10. Колоницкий Б. И. «Политическая порнография» и десакрализация власти в годы Первой мировой войны (слухи и массовая культура) // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997
11. Розум М. А. Пролетариат Тверской губернии в Великой Октябрьской социалистической революции // Великая Октябрьская социалистическая революция в Тверской губернии. Калинин: изд-во КГПИ, 1959. С. 3–16.

WAR AND PEACE IN THE TVERSKAYA PROVINCE: 1914–1917

Tatiana G. Leontieva

The Tver State University, the Dept of Russian History, Tver

In World War I historiography the complex of the problems connected with «human measurement» wars, remains low-studied. The analysis of events, moods and behavior of the population is presented in this article on an example of the Tverskaya province/diocese.

The article, basing on archive materials, represents a current of events in Tver' province in period from 1914 to beginning 1917. Author examines as the First World War circumstances (mobilization and influx of wounded, prisoners of war, refugees) influenced for change of habitual rhythm of life of inhabitants of the province. The transformation of religious intentions and behavior of population is especially analyzed.

In the conclusion it is shown how exhausted with war and deceived by the power once law-abiding loyal the Tverskaya province, become carriers of revolutionary moods and begin realization «the rights for freedom».

Keywords: *Tver Province, Tver Eparchy, First World War, Orthodox Church, Clergy, Prisoners of War, Wounded, Refugee, February Revolution.*

Об авторе:

ЛЕОНТЬЕВА Татьяна Геннадьевна – Тверской государственный университет, кафедра отечественной истории, доктор исторических наук, профессор (170100, Тверь, ул. Трехсвятская, 16/31б), e-mail: kroneko@mail.ru

About the authors:

LEONT'IEVA Tat'yana Gennad'evna – the doctor of historical sciences, professor, the Tver State University, the Dept of Russian history, (170100,

Tver, Trehsvyatskaya St., 16/31), e-mail: kroneko@mail.ru

References

- Bakulin V. I. Stikhiino-anarkhicheskii komponent sobytii 1917 g. v Vyatskoi gubernii // 1917 god v sud'bakh Rossii i mira. Oktyabr'skaya revolyutsiya: ot novykh istochnikov k novomu osmysleniyu. M., 1998. S. 81–94.
- Buldakov V. P. Rossiiskie smuty i krizisy: vstrebovannost' sotsial'noi i pravovoi antropologii / V. P. Buldakov // Rossiya i sovremennyi mir. 2001. № 2 (31). S. 31–47.
- Buldakov V. P. Krasnaya smuta: Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya. M.: ROSSPEN. 1997. 373 s.
- Buldakov V. P. Istoki i posledstviya soldatskogo bunta: k voprosu o psikhologii «cheloveka s ruzh'em» // 1917 god v sud'bakh Rossii i mira. Fevral'skaya revolyutsiya: ot novykh istochnikov k novomu osmysleniyu. M.: izd-vo IRI RAN, 1997. S. 208–224.
- Buldakov V. P. Khaos i etnos. Etnicheskie konflikty v Rossii, 1917–1918 gg. Usloviya vzniknoveniya, khronika, kommentarii, analiz. M., «Novyi khronograf», 2010. 1090 s.
- Emelyakh L. I. Krest'yane i tserkov' nakanune Oktyabrya. L.: Izd-vo «Nauka», 1976. 180 s.
- Zanegin E. A. Stanovlenie sistemy sodержaniya voennoplennykh v period Pervoi mirovoi voiny na territorii Tverskoi gubernii (1914–1916 gody) // Iz arkhiva tverskikh istorikov: sb. nauch. tr. / nauch. red. T. I. Lyubina. Tver': izd-vo TvGU. 2002. Vyp. 3. S. 183–197.
- Zyryanov P. N. Russkie monastyri i monashestvo v XIX i nachale XX v. // Acta Slavica Iaponica. 1995. Hokkaido. 1995. Tomus XIII. S. 110–148.
- Kir'yanov Yu. I. Stachechnoe dvizhenie v Rossii v 1914 – fevrale 1917 g. (Po materialam ofitsial'nykh istochnikov i «khronik» vystuplenii rabochikh) // Istoriya SSSR. 1990. № 5. S. 121–134.
- Kolonitskii B. I. «Politicheskaya pornografiya» i desakralizatsiya vlasti v gody Pervoi mirovoi voiny (slukhi i massovaya kul'tura) // 1917 god v sud'bakh Rossii i mira. Fevral'skaya revolyutsiya: ot novykh istochnikov k novomu osmysleniyu. M., 1997
- Rozum M. A. Proletariat Tverskoi gubernii v Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii // Velikaya Oktyabr'skaya sotsialisticheskaya revolyutsiya v Tverskoi gubernii. Kalinin: izd-vo KGPI, 1959. S. 3–16.

Статья поступила в редакцию 14.09.2013